

IV. Историко-литературные опыты

В.Н. Земцов

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Россия, 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); доктор исторических наук, профессор.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@vandex.ru.

GUTTA CAVAT LAPIDEM*

В публикации описываются поиски захоронения французского аббата А. Сюрюга, кюре церкви Св. Людовика в Москве, умершего в 1812 г. Поднимается ряд проблем в рамках исторической и культурной памяти: варианты и пределы меморализации прошлого, эмоциональная взаимосвязь между прошлым и настоящим, между людьми умершими и людьми живыми.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; Москва в 1812 г.; аббат А. Сюрюг; меморализация; историческая и культурная память.

Вчера, 7 октября 2007 г., я был на Введенском кладбище в Москве. С утра накрапывал дождь, небо хмурилось. Везде лежали жёлтые листья. Заметно похолодало. Введенское, или, как его часто называют, Немецкое кладбище, лежит за Яузой, рядом с огромным военным госпиталем, основанным Петром I, здания которого приобрели законченный вид только при Николае Павловиче. Ясность, стройность, классическая простота. Но и в 1812-м году этот госпиталь был уже немаленьким. Вначале здесь были русские раненые, затем появились французы. Многие из них умерли от ран. А кроме того, так как кладбище изначально было определено для иностранцев, в его земле оказалось много и тех французских солдат, которые умирали и в других московских госпиталях. Как гласит легенда, сюда, в декабре 1812 г., вёз тело французского солдата аббат А. Сюрюг, настоятель французского храма Св. Людовика в Москве, человек великого ума и великого мужества. Неизвестно, где именно, то ли возле кладбища, то ли на середине дороги к нему,

---

* Капля долбит камень (лат.)

он был встречен местными «мстителями» и жестоко избит. Через две недели он умер. Может быть, он бы и выжил, если бы не тяжелые физические и моральные испытания, выпавшие на его долю во время и сразу после оккупации Москвы.

Выйдя из метро на станции Бауманской и пройдя по Госпитальной улице, свернув по ходу трамвая налево, я вскоре увидел вход на кладбище – старую кирпичную арку, стилизованную под немецкую неоготику. Казалось, железная калитка была закрыта, но, тронув её, убедился, что войти можно. Шагнув вперед, и миг оказался между печально-романтических могил и могильных памятников. Было сырое утро, и пока никого живого на кладбище я не заметил. Обелиски и печальные ангелы, окружавшие меня, молчали, и только журчала вода, стекавшая с них на усеянный листьями асфальт. В нескольких местах в отдалении возвышались часовенки, похожие на склепы (впрочем, это и были самые настоящие полуразвалившиеся склепы, иногда совсем опустошённые, иногда закрытые на большие висячие замки). Хотя многие из покойников были людьми не русскими – немцами, англичанами, французами и поляками (одни обрусевшими, другие, как подсказывали могильные памятники, сохранившими свою приверженность отчизне), но немало было и русских фамилий, особенно на относительно свежих могилах. Эта «разбавленность» иноземного кладбища нашими, родными, чисто русскими покойниками придала общему облику погоста несколько странный вид чего-то не совсем иноземного, но и не нашего, – сочетание европейского порядка с расхристанностью и цинизмом полузаброшенного последнего пристанища русского человека.

Пойдя по главной дорожке я вскоре услышал звуки заступа: великий персонаж мировой классики – могильщик – готовил кому-то место упокоения. Внутренне обрадовавшись оказаться в роли принца Датского я смело направил стопы к дюжему молодцу, орудовавшему лопатой и заступом. Из могилы торчала одна его бритая голова и плечи. Он отнюдь не напевал философскую песенку из «Гамлета», но молча ковырял землю, выбрасывая её из могилы. Видя моё приближение, достопочтенный мастер кладбищенского дела, кажется, обрадовался возможности передохнуть и перебраться, неважно с кем, парой-другой фраз.

– Доброе утро! – вежливо начал я издалека, услышав в ответ спокойное и столь же вежливое «Здравствуйте», прозвучавшее из могилы.

– Вы не скажете, где здесь памятник умершим французам в 1812 году?

– Как же, есть такой.

И далее последовал подробный рассказ, усугублённый сложными деталями маршрута к означенному месту. Я мог только понять, что, увидев часовню с голубой крышей, не должен туда сворачивать, ибо, по каким-то неведомым мне причинам, этот путь для меня закрыт. Но,

увидев какие-то ступени, следует спуститься по ним, что и позволит мне наиболее комфортно и точно достичь памятника французам. Могильщику, казалось, очень хотелось своим подробным рассказом как можно в более выгодном свете представить своё «хозяйство», показать его размах, сложность передвижения по нему, оттенить свою опытность и знания на фоне полного неведения новоприбывшего.

– Значит, я должен свернуть влево. – убежденно заключил я, пытаясь уловить общее направление движения.

– Ни в коем случае! Наоборот! Направо! – радостно вскричал могильщик, открыв для себя всю тупость и несведомленность собеседника. – Впрочем, добавил он, – там будет указатель.

Пораженный столь тонким знанием объекта обитания кладбищенского труженика я решился, наконец, задать главный вопрос, весьма мало надеясь на положительный ответ:

– Знаете, я ищу могилу одного французского аббата, умершего в 1812 году. У него был памятник из красного гранита с крестом и надписью по латыни.

В глазах торчавшей из могилы головы блеснул испуг. Видимо, голова не ожидала столь трудного вопроса, который сразу и безоговорочно перечёркивал высокий статус её как знатока кладбищенских дел.

– Много их тут таких, – прозвучал глухой ответ. – Мы сами путаемся.

Было ясно, что могильщик вряд ли читает по-латыни и даже (страшно сказать!) не может отличить латинскую надпись от французской или немецкой. «Зачем же я так опустил человека, – подумал я, – он и так уже в могиле. Нет, эпоха шекспировских кладбищ точно прошла. Но, может быть, времена кладбищенского старика из Вальтера Скотта ещё не закончились? Под «кладбищенским стариком» из «Пуритан» (в оригинале, кажется, название романа звучит как «Старые кости») я, конечно же, имел в виду себя, шедшего на благородное дело непростых поисков могилы французского аббата.

Конечно, я свернул раньше, чем советовал могильщик. Нельзя было удержаться от того, чтобы не читать надписи на разных языках народов Европы, чтобы не потерять полустёршиеся на камнях буквы и не увидеть даты вечного упокоения. Сколько здесь было французов, англичан и немцев, обрусевших, и не очень, а то и случайно, не ожидая того, умерших в России! Большинство старинных памятников относилось к концу XIX и началу XX вв. Кое-где встречались могилы даже 30-х, 40-х, а то и 20-х гг. XIX в. «Может, всё же сохранилась могила?» – замирало моё сердце, и я бросался от одного памятника к другому. Очень скоро чуть в отдалении увидел знакомый по фотографиям монумент умершим французам. Он состоит из четырех частей: двух нижних четырехугольных камней из белого гранита и двух верхних – одного четы-

рѣхугольного и другого в виде стелы красного гранита. На вершине водружѣн французский католический крест, ниже (на стеле) изображѣн орден Почѣтного легиона. Ещё ниже – надпись: “Erige par la colonie française”^{***} и дата “1889”. Вокруг – ограда в виде 8-и стилизованных пушечных стволов, воткнутых дулами в землю, и с цепями между ними. По четырѣм сторонам от памятника, за цепями, лежат 4 грубо обтѣсанных камня красного гранита с одинаковой надписью: “Militaires français morts en 1812”^{***}. Ощущение того, что эти камни были взяты с подлинных могил умерших французов – полное. Хотя, конечно, всё это не так. Их, разумеется, сделали тогда же, в 1889 г., когда воздвигали монумент. И сколько здесь, у памятника, и вокруг него, лежит французов, конечно же никто не знает. «А имена их, Тебе, Господи, ведомы», – вспомнились слова панихиды, которую слушал в начале августа у места зарытия останков царевича Алексея и его сестры Марии. Но ведь нашли их! И на могилу к французам, хоть и общую, ходят люди. И я вот пришел. На одном из четырех камней лежали цветы.

Шел дождь. Мне почему-то показалось, что Сюрюг где-то рядом. То ли могила его, то ли он сам. Я начал быстро осматривать все памятники вокруг и через пять минут увидел целую группу старых, и не очень старых, памятников французам, огороженную оградой. На калитке в эту ограду замка не было и, поднажав, я её открыл. Слева стояли небольшие камни в виде маленьких колонн со старыми французскими надписями. Не то! Большие памятники относились к более позднему времени. Там лежали Катюары, Леве... Но один из памятников, красного слоистого гранита (?) явно выделялся своим немалым возрастом и романтическим видом. Надпись на нем не читалась: сверху – буквы стерлись, внизу – камень отслоился и порос мхом. Только сверху в круге четко выделялись французский крест и несколько букв. Боже! Я прочел “PILSTN”! Может быть это “PILTZEN”?! Там, в Пилценской (или Пильтенской) церкви, в Виленском крае, служил Сюрюг до своего приезда в Москву!

Я тѣр те места, где когда-то были буквы, платком, поливал водой из бутылки, отходил, менял ракурс – все было тщетно. Падали желтые листья, вечно зеленый мох, казалось, еще больше поглощал камень, а сам камень не хотел мне сказать больше того, что сказал.

Недалеко стоял похожий по форме памятник, но гораздо лучшей сохранности: там лежал умерший в 1831 г. Jean Batiste Marie Auguste Satoire de Bioncourt. Главное, что и «мой» памятник не мог быть тем, который описывался французским биографом аббата Л. Миро как памятник на могиле Сюрюга. Там в основе были два куба, один из кото-

---

^{**} Воздвигнут силами французской колонии (франц.)

^{***} Французским солдатам, умершим в 1812 г. (франц.)

рых должен был быть красного дикого гранита, а сверху – стоять крест. Но на «моём» отверстия для креста не было никакого. Да и сам он, вероятно, был позднего времени – возможно 30-х гг. XIX в., хоть и худшей сохранности, чем памятник этого Catoire de Bioncourt'a. Не сходилось. Надо было искать дальше.

Я вновь начал бродить среди могил. Нет, близкого по описанию памятника Сюрюгу не было. Красный дикий гранит встречался часто на старых памятниках, но, видимо, он был недолговечен. Он крошился, сыпался, стирался. Вода и ветер постепенно превращали его в бесформенную глыбу. А далее, в советское время, из этих полураскрошившихся глыб стали «излаживать» памятники под других покойников.

Вышел на центральную аллею – могила Дмитрия Кедрина! Нахлынули воспоминания ранней юности. Помню, как какой-то студент-филолог замешал заболевшую учительку. Вот это было настоящее! Он читал стихи, рассказывал о поэтах, нам не известных, показывал их книжки-брошюры 20-х гг.! Кедрин мне понравился. Потом читал его сам, как и многих других, живших в 1-й половине XX в. Тогда ещё творили!

Добрел до главного входа – и решил возвратиться обратно, обойдя ту часть, которая была внизу, где встречались, как мне показалось, наиболее старые могилы, и которая упиралась в колумбарий. Эта стена, с которой на тебя смотрят мёртвые, – что-то жуткое. Сотни глаз, впившиеся в тебя... Быстро прошёл, стал углубляться в пространство между отдельных могил. Небольшой уголок. Скамеечка для отдыха, не «привязанная» к какой-либо могиле. Перед скамейкой – небольшой от старости камень красного искрошенного гранита. В нем отверстие для креста. Может и он... Люди садятся на скамейку и, вероятно, раскладывают на камне поминальную еду... Или ставят бутылку. В общем, неплохо. Это как одна могила в Помпеях, на дороге гробниц, которая сделана в виде скамейки, чтобы путник присел, отдохнул и вспомнил умершую добрым словом. Иду дальше. Белый каменный полукруг, окруживший небольшое пространство. Там, внутри, на стеле какие-то слова. Вошёл. Круг словно замкнулся, захватил меня, держит. Страшно. Скорее выбежал.

Там, где кладбище от главной аллеи спускается вниз, есть большой уступ, укрепленный снизу кирпичом. Весьма эффектно: кладбище спускается террасой. Романтично. Прямо как в Европе. Там такое любят. Старые памятники, голые деревья, полуразрушенные часовни. Прямо как у Рейнсдаля в «Еврейском кладбище», символе неостановимого потока времени и забвения. Вдруг меня пронзила мысль, заставившая словно очнуться: старый памятник, приходя в ветхость, был заменен тем, что я видел. Когда его могли заменить? В 30-40-е гг. XIX в.? Но и новый памятник, конечно же, оказался не вечным. Неужели на-

шёл?! Судорожно ухватился за эту мысль. А почему нет? Прямо сейчас пойду в церковь Св. Людовика, найду кюре (кажется, его зовут Александр Хмельницкий), расскажу ему всё. Пусть идет или присылает людей сюда. Пусть проверяют! Это ведь его предшественник! Великий Сюрюг! Его предок!

Снова бросился к той самой могиле. Вперил в надпись взор. И всё понял. Это было слово "BAPTISER"^{****} или какое-то другое, от него производное. Просто мне хотелось видеть то, что хотелось. Мох, листья, дождь, время – действительно источили тот камень, под которым лежал Сюрюг... Он где-то здесь, и его нет...

Его имени нет даже во многих справочниках по Введенскому кладбищу. Как и не было этого Сюрюга вовсе. А в большинстве справочников отсутствует даже упоминание о памятнике умершим в 1812 г. французам! Там только герои Советского Союза, доктора наук, профессора XX, отчасти XIX в. Есть десяток композиторов и архитекторов. Глухо упомянут великий врач Ф.П. Газо (Гааз) и еще более глухо – что когда-то здесь лежал сам П. Гордон! 150 лет – предельный срок. А далее: «где-то здесь был похоронен». В лучшем случае.

Я как-то сразу обмяк, успокоился. Усмехнулся над собой... Снова подошел к памятнику французам. Перекрестился по-русски и пошел прочь.

Могильщик уже давно закончил свою работу, приготовив постель для нового постояльца, которого точно забудут гораздо раньше, чем моего аббата. Дождь продолжал идти, листья падать, вода струиться меж могил и течь по асфальту. Возле ворот шибанула в глаза «кальпийская горка», сделанная хозяйственными бдительными кладбищенской красоты. Камни, подпиравшие её, были теми самыми катышками из красного гранита, из которого был в свое время сделан памятник Сюрюгу. Были они уже совсем маленькие – с человеческую голову. Они стали частью ландшафта, все более и более сливаясь с землей и цветами. Их неумолимо молотил дождь, делая их все меньше и меньше... *Gutta cavat lapidem. Капля долбит камень.*

***

6 сентября 2009 года. Снова иду на Введенское кладбище искать могилу моего аббата. Да, все время с той поры, три года назад, когда я безуспешно пытался найти памятник Сюрюгу, я чувствовал, что эта история так просто закончиться не могла, и у нее обязательно будет продолжение...

---

^{****} Крещён (франц.)

Вечером 30 июня 2009 года, через 5 минут после того как я вернулся из больницы, где прооперировали жену, раздался телефонный звонок. Звонил Александр Александрович Смирнов. «патриарх» нашего цеха историков 1812 года. Александр Александрович, как всегда, спокойным и размеренным голосом, за которым все же угадывалось волнение и какое-то торжество души, сообщил, что «Сюрюга нашли». – Как? Где? – Да на том самом Введенском кладбище.

Александр Александровичу в руки попала книга, составленная В.М. Егоровым-Федосовым, «Французские первопоселенцы в Москве и некоторые потомки» (М., 2005), из которой следовало, что могила Сюрюга сохранилась. Более того, Егоров-Федосов даже сфотографировал памятник аббату, так что сомневаться в истинности его информации не приходилось! Александр Александрович уже нашел телефон Егорова-Федосова и собирался с ним встретиться, дабы точно узнать, где находится та могила.

Здесь мы должны пояснить, что А.А. Смирнов несколько лет тому назад опубликовал статью об умерших в Москве в 1812 г. и похороненных на Введенском кладбище французских солдат. Та статья когда-то зацепила меня своей искренностью, да и сама тема «французов в Москве» давно меня интересовала. Потому-то, побродив по Введенскому кладбищу тогда, в 2006 году, и набросав свой «историко-философский» опус, я отправил его по нескольким адресам своих друзей, и, конечно же, А.А. Смирнову. Теперь этот эмоциональный всплеск, который я пережил на Введенском кладбище, и от которого пошли своего рода круги по нашему небольшому сообществу «интеллектуалов 1812 года», возвращался ко мне в виде телефонного звонка, разом перечеркнувшего «великую», но, в сущности, такую банальную истину, открывшуюся мне в тот день, 7 октября 2006 года.

За неделю до моего отъезда в Москву Александр Александрович позвонил снова и сообщил, где находится могила Сюрюга – по главной аллее, недалеко от захоронения великого врачевателя Ф.П. Газа, но только «во второй линии». Стоит ли говорить, с каким волнением я ехал в этот раз в Москву, собираясь за полдня не только съездить на Введенское кладбище, но и побегать по улицам Москвы с «секундомером», пытаясь понять, как 2(14) сентября 1812 года пьяная толпа таскала по улицам растерзанное тело другого мученика, на этот раз русского, которого «великий патриот» и «российский римлянин» Ф.В. Ростолчин обрек на роль жертвы ради возбуждения «народного энтузиазма».

Оказавшись на Казанском вокзале в половине пятого утра, я начал мечтать, как часа через два напрямик, пешочком пройду от вокзала до Введенского кладбища, благо оно было недалеко. Но высидеть два часа на вокзале, в полном безделье, я не мог. Бросился по ночным ули-

цам к Милотинскому переулку, где была церковь Сюрюга, затем на Большую Лубянку, к дому Ростопчина, где на обширном дворе 2(14) сентября 1812 г. перед крыльцом разыгралась та трагическая сцена, когда градоначальник Москвы бросил окровавленное тело Верещагина на растерзание тупой, пьяной и «очень патриотической настроенной» толпе. Наконец, прошел скорбным путем русского мученика – с Лубянки по Кузнецкому мосту, затем свернул вправо по Петровке до Столешникова переулка, уперся в дом генерал-губернатора на Тверской... Все это отдельная история... Но как судьба этого русского мученика, купеческого сына, тянувшегося к Европе (ему не было и 16 лет, когда он перевел с французского языка роман известного в те годы немецкого романиста Х.Г. Шписа, а через два года – другой роман, на этот раз с немецкого, но менее популярного автора А.Г. Лафонтена), и судьба Сюрюга, француза, оказавшегося в России, сурово исполнившего свой пастырский и человеческий долг тогда же, в 1812 году, и тоже замученного «патриотической» чернью, оказались переплетенными теми небывалыми испытаниями! Ведь Верещагин, зная, что ему угрожает каторга или даже смерть, взял всю вину (которая заключалась в том, что он из юношеского любопытства перевел из немецкой газеты два обращения Наполеона) на себя и спас тем самым, по крайней мере, двух людей – московского почт-директора Ф.П. Ключарева и его сына Михаила.

Хотя мне казалось, что я хорошо помню дорогу к Введенскому (немецкому) кладбищу, я сбился с пути и направился вначале по Солдатской улице к воротам ограды православной Петропавловской церкви. Стоит ли говорить, что, подойдя к воротам, я их не узнал – они были побелены и совсем иной формы, нежели ворота Введенского кладбища, да и за деревьями блистала золотыми маковками русская церковь, а у входа «кучковалось» несколько старух в русских платочках, ожидавших милостыни...

– Извините, это ведь не Введенское кладбище? – спросил я у них.

– Что, что? Говори громче, – прошамкала самая немолодая из стоявших там, но и самая бойкая, нищенка.

– Да ему надо Немецкое кладбище, – пояснила другая. – Надо идти вон туда, вправо, по трамвайным путям. – сказала она и махнула рукой, указывая направление.

Я понял свой промах и попытался как можно скорее броситься туда, куда указала женщина. Но глухая старуха ухватила за мой рукав и начала требовать, чтобы я скорее сказал, какой именно вход мне нужен, главный или не главный. При этом она совершенно не слышала мои ответы, но настойчиво пыталась продолжить разговор, чего мне вовсе и не хотелось.

– Да пусть он идет! – как-то жестко и с оттенком неприязни произнесла другая нишенка. Как мне показалось, неприязнь эта была обращена к тем, кто ходит на «немецкое» кладбище, кто не «наш» или «не совсем наш». что, видимо, даже еще хуже.

Я быстро зашагал к этому самому Немецкому кладбищу, не в состоянии отрешиться от подтекста последней фразы русской нишенки, как будто и не бывало двух столетий, прошедших с 1812 года, и я должен был разделить вместе с Сюрюгом и Верещагиным всю ту неприязнь, которая скрывается в русском простонародье по отношению ко всему «не нашему», иностранному, «немецкому».

Могилу Сюрюга я нашел сразу. Безошибочно, как будто магнитом, меня потянуло к нему. Будто он меня ждет. Может быть и так, ждал, что я его обязательно навещу. Казалось, мы с ним стали как родные за эти годы...

Увидев его могилу, я сразу понял, почему не смог найти ее тогда, три года назад: памятник был почти совсем новый, хотя и повторявший в общих чертах описание первоначального надгробия: вытянутый вверх куб (не из того красного камня, из которого делали памятники в начале XIX в.), каменный крест, надпись – все блистало новизной и свежестью... Видимо некоторое время назад причт церкви Св. Людовика раскошелился и заказал новый памятник взамен того, который пришел в полную ветхость. И надпись скопировали с прежнего памятника, но не совсем точно: там где была дата смерти – 21 декабря, получилось что-то странное – «91 декабря». Видно латинская надпись давалась мастерам кладбищенского дела с большим трудом, и они решили все абсолютно точно «скопировать», не пожелав увидеть внизу у цифры «2» «завитушки».

Я постоял, положил к могильному камню моего аббата букетик цветов, снова постоял, размышляя о вечности, наконец, достал мобильный телефон и начал звонить знакомым коллегам, спеша сообщить им, что «я на кладбище, рядом с Сюрюгом», и что «нам обоим хорошо»... Между тем, метрах в десяти от меня «излаживал» свой драндулет (мотоцикл с приспособленным к нему контейнером) кладбищенский служитель в «фирменной» спецовке. Голова его была совершенно выбрита, а из-под воротника торчала здоровенная шея, указывая на отменное здоровье ее обладателя. Кажется, он услышал, о чем я говорю по телефону, оглянулся, чтобы посмотреть на меня. Мне показалось, что по его пышущей здоровьем физиономии пробежало некое подобие улыбки. Через секунду он сел на свой драндулет и покатил по своим кладбищенским делам... Не с этой ли бритой головой, торчащей из могилы, я пытаюсь вести философский разговор в октябре 2006 года? Может, и с ней. Только голова, кажется, стала с тех пор еще крупнее, а шея толще.

Когда я подходил к воротам, покидая кладбище, вспомнил, что раньше там была сделана «альпийская горка» из старых, искалеченных памятников. Мне тогда показалось, что то были навалены человеческие головы, схваченные для прочности цементом. Сейчас этой горки не было. Вместо «голов» красовались хорошо отполированные плиты какого-то красивого камня. Все выглядело вполне благообразно и благопристойно. Но мне почему-то стало жаль тех, старых, камней, которые, как давно умершие люди, стали теперь совсем не нужны... Наверное, среди них был и тот самый камень, который служил когда-то памятником моему аббату... Теперь же вместо подлинного, настоящего, камня висилась какая-то красивая подделка... Все меняется, все приходит, и все уходит... И капля долбит камень...

Vladimir N. Zemtsov

Zemtsov Vladimir, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

GUTTA CAVAT LAPIDEM

(Drop hammer stone)

The article describes the search for the burial of the French abbot A. Surugue, cure of St. Louis Church in Moscow, who died in 1812. Author raises a number of problems within the historical and cultural memory: options and limits of the preservation of the historical past; emotional relationship between past and present, between people dead and alive.

Keywords: Patriotic War of 1812, Moscow in 1812, Abbot A. Surugue; preservation of the historical past; historical and cultural memory.

Л.С. Слободяник

Слободяник Лада Сергеевна, докторант Высшей школы экономики (г. Прага) (The University of Economics, Prague, nám. W. Churchilla 4, 130 67 Praha 3)

Телефон/Phone: (+420) 224 095 111. Электронная почта/E-mail: lausten@yandex.ru